

# Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343.211

## ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ: НЕОЧЕВИДНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

© Бархатова Е. Н., 2020

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

Проводится обзор положений уголовного закона, состоящих в противоречии с принципами уголовного права, анализируются правовые последствия таких противоречий, приводится аргументация необходимости их устранения, предлагаются возможные варианты решения выявленных проблем. Затрагивается вопрос о соотношении принципов уголовного права друг с другом, об их взаимосвязи с положениями иных отраслей права, к которым отсылают правоприменителя бланкетные нормы уголовного закона. Отмечается, что принцип справедливости является наряду с принципом гуманизма базовым для других принципов уголовного права, при этом принцип гуманизма вызывает наименьшее количество противоречий. Затронут вопрос целесообразности существования в уголовном законе такого вида наказания, как смертная казнь. С позиций соответствия принципам уголовного права проанализированы нормы о судебном штрафе, убийстве, совершенном по мотиву кровной мести, штрафе как виде наказания для несовершеннолетних и возможности его уплаты родителями, ограничение свободы, существующее наряду с возможностью условного осуждения, а также мерой постпенитенциарного воздействия в виде административного надзора. Акцентируется внимание на реализации правила об обратной силе закона и случаях, когда его применение нарушает права граждан. Отдельные положения статьи посвящены вопросу применения уголовного законодательства к лицам, пользующимся иммунитетом, в этой связи проанализированы нормы международного права, соответствие положений российского уголовного закона данным нормам. Через призму принципа равенства проанализирована группа преступлений в сфере экономической деятельности, а также отдельные основания освобождения от уголовной ответственности, затрагивающие сферу экономики.

*Ключевые слова:* принципы уголовного права, законность, равенство, вина, справедливость, гуманизм.

**П**ринципы, представляя собой основополагающие начала, фундамент норм, составляющих любой закон, требуют корректной интерпретации [3, с. 192]. При построении юридических норм их положения должны анализироваться всесторонне, через призму всех принципов.

Уголовный закон построен на пяти основных принципах: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма. Эти принципы составляют основу уголовного закона. Положения норм Общей и Особенной частей УК РФ должны безусловно коррелировать с перечисленными принципами [4, с. 12]. Однако соответствие отдельных положений принципам уголовного закона в ряде случаев представляется спорным.

Принцип законности предполагает, что уголовное наказание должно назначаться только

за деяние, названное преступлением в законе, и только такое, которое предусмотрено законом.

Вторая часть ст. 3 УК РФ указывает на запрет применения уголовного закона по аналогии.

Запрет аналогии в свете учета судами разъяснений Пленума Верховного Суда РФ при вынесении решений представляется игнорируемым. Стремление к единообразию в судебной практике, на наш взгляд, приводит именно к аналогии применения закона. Бесспорно, обобщение судебной практики и рекомендации по квалификации, разъяснение сути терминов, используемых уголовным законом, – необходимый элемент правоприменительной деятельности, устраняющий спорные вопросы применения закона и вместе с тем избавляющий от необходимости внесения многочисленных изменений и дополнений в закон. Не преуменьшая значимости сложившейся судебной практики для последующего правоприменения, хотим отметить

лишь необходимость отграничения аналогии закона в смысле гражданского права, когда имеющиеся в законе нормы применяются к ранее не существовавшим событиям от применения судебного прецедента. Единообразие применения судебной практики в полной мере отвечает сути другого принципа – справедливости. Вместе с тем хочется напомнить, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ носят рекомендательный характер, а потому отступление от этих разъяснений возможно. Однако указанные разъяснения судами часто возводятся в ранг нормы права, что противоречит принципу законности.

Противоречие в соотношении принципов законности и справедливости продемонстрировано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 КоАП РФ, пункта 4 статьи 1 Федерального закона “О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” и пункта 4 статьи 1 Федерального закона “О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” в связи с жалобами граждан А. И. Залаяудинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередняк». Так, в соответствии с принципом законности, закон, ухудшающий положение виновного, не имеет обратной силы. В данном случае прослеживается взаимосвязь с принципом гуманизма. Вместе с тем в результате реализации данного положения нарушается принцип справедливости, поскольку преступник может избежать ответственности в принципе. Так, удалось избежать ответственности лицам, нанесям побои гражданам А. И. Залаяудинову, Н. Я. Исмагилову и О. В. Чередняк<sup>1</sup>. Нанесенные побои не соответствовали признакам, указанным в ст. 116 УК РФ после внесения изменений. Нанесение побоев по мотивам, не предусмотренным в диспозиции ст. 116 УК РФ, перестало признаваться преступлением после внесения изменений. В результате декриминализации к преступникам был применен новый, улучшающий их положение закон. Положение об обратной силе закона, закрепленное также в

КоАП РФ, сделало невозможным вменение виновным ст. 6.1.1 КоАП РФ, ввиду того, что такое изменение ухудшило положение виновных. Таким образом, привлечение виновных к уголовной или административной ответственности стало невозможным.

Противоречия относительно принципа равенства граждан перед законом выражается в ряде уголовно-правовых норм. Прежде всего, вызывает вопросы такое основание освобождения от уголовной ответственности, как уплата судебного штрафа. В соответствии с положениями УПК РФ судебный штраф назначается лицу, совершившему преступление, только в случае, если такое лицо имеет возможность его оплатить. Представляется, что такая норма закона ставит в неравное положение граждан в зависимости от уровня их материальной обеспеченности. Объяснить подобное решение законодателя сложно и с позиций соблюдения иных принципов уголовного закона. Так, принцип справедливости, предполагающий соответствие меры уголовно-правового характера степени общественной опасности и характеру преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, слабо отражается в норме о судебном штрафе. Разумеется, данные позиции учитываются в таких условиях, как совершение преступления впервые, небольшой или средней тяжести. Однако решающим обстоятельством выступает именно возможность оплатить судебный штраф.

Введение судебного штрафа как мера расширения инструментария уголовно-правового воздействия, по нашему мнению, хотя и экономически обосновано, но не эффективно с точки зрения профилактики преступности. Так, если при деятельном раскаянии преступник заглаживает вред всеми доступными ему законными способами, при примирении с потерпевшим приносит извинения, демонстрирует свое сожаление о содеянном, то в ситуации уплаты судебного штрафа он просто (как бы цинично это ни звучало) покупает свободу.

Неочевидное противоречие имеется между ст. 4 УК РФ и ст. 11–13 УК РФ. Так, несмотря на то, что все равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от должностного положения, в соответствии с ч. 4 ст. 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права. Прежде всего, данное положение основывается на положени-

<sup>1</sup> По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 КоАП РФ, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А. И. Залаяудинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередняк : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 23-П // Рос. газ. 2019. 24 июня (№ 134).

ях Венской конвенции 1961 г. В соответствии с нормой ст. 31.1 данной конвенции, дипломатический агент полностью защищен от уголовной юрисдикции принимающего государства<sup>1</sup>.

Не оспаривая указанное положение международного законодательства и реальную необходимость защиты данной категории лиц, предлагаем лишь скорректировать формулировку ст. 4 УК РФ, указав в ней на применение положений уголовного закона к лицам, обладающим иммунитетом, в особом порядке.

Принцип равенства всех перед законом, по нашему мнению, нарушается и существующим в ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующим признаком, предусмотренным п. «е<sup>1</sup>» «по мотиву кровной мести». Сам по себе квалифицирующий признак не противоречит положениям закона и принципу равенства, однако практика его применения свидетельствует об обратном. Дополнение уголовного закона таким квалифицирующим признаком обосновывалось необходимостью искоренения обычая, не вписывающегося в моральные, нравственные и правовые нормы современного государства.

М. В. Задворнов и А. А. Даурбеков абсолютно верно обращают внимание на то, что «кровная месть может вызвать за собой целую цепь убийств, чем определяется особый характер общественной опасности рассматриваемых преступлений». Кроме того, причина криминализации убийства по мотивам кровной мести заключается в том, что в ее основе лежит взгляд на обычай кровной мести как на некий пережиток родоплеменного быта. Придавая данному мотиву квалифицирующее значение, публичная власть видит в нем высокую степень общественной опасности, состоящую не в криминогенности данного обычая, а именно в том, что мстители по данному обычаю брали на себя функцию правосудия [2, с. 11].

Согласимся с авторами в их аргументации, вместе с тем подчеркнем явное противоречие данного квалифицирующего признака принципу равенства. Согласно толкованию данной нормы и сложившейся практике ее применения к уголовной ответственности по п. «е<sup>1</sup>» могут быть привлечены только лица, принадлежащие к той народности, где распространен обычай кровной мести. В то же время лица, совершившие убийство по мотиву кровной мести, но не входящие в требуемую группу, несут ответственность по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Полагаем, такое неравноправие недопустимо. Несмотря на то что обычай кров-

ной мести присущ определенным народностям, это не исключает его одобрения и поддержания отдельными семьями иных народностей и равно такие же неблагоприятные последствия. В связи с этим считаем целесообразным без изменения редакции пункта скорректировать практику его применения безотносительно к лицам конкретной национальности.

Практически вся группа преступлений в сфере экономической деятельности содержит положения, не сочетающиеся с принципом равенства. Этот факт подтверждается и обоснованием либерализации ответственности за экономические преступления: в целях предоставления большей экономической свободы и развития экономики государства. Не станем опровергать данное утверждение, поскольку в данном случае ситуация схожа, наверное, с ситуацией обоснованного риска, являющегося по закону обстоятельством, исключающим преступность деяния. Однако не можем не отметить, что предприниматели в случае совершения преступления оказываются в более выгодном положении, нежели простые граждане. Данный факт можно проследить на примере ст. 159 УК РФ (ч. 1–4 в сравнении с ч. 5–7 относительно санкций). Интересен в этом отношении и подход законодателя к освобождению от уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, в связи с возмещением ими ущерба. Так, ч. 1 ст. 76<sup>1</sup> УК РФ предполагает, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в случае, если всего лишь возместит в казну государства сумму неуплаченных налогов. В сравнении с иными основаниями освобождения от уголовной ответственности подобное основание видится не справедливым, поскольку не требует дополнительного воздействия на лицо, подлежащее уголовной ответственности.

Принцип вины в формулировке, существующей на сегодняшний день, предполагает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина [5, с. 197]. Из этого положения, предусмотренного ч. 1 ст. 5 УК РФ, выводится утверждение о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия (ч. 2 ст. 88 УК РФ).

Разумеется, можно, сославшись на ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ, гласящую, что родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и инте-

<sup>1</sup> Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.

ресов в отношениях с любимыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий, указать, что родитель таким образом защищает своего ребенка от неблагоприятных последствий в виде более строгого наказания. Однако наказание согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ преследует цели восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Представляется, что в случае уплаты родителем штрафа за ребенка ни одна из перечисленных задач не реализуется в полной мере. Ребенок, проступок которого «оплатили», вряд ли лишь на основании этого изменит свое поведение. Восстановление социальной справедливости как цель наказания тоже не будет достигнуто, поскольку несправедливым является уже факт ответа родителя за совершенное ребенком преступление, если ребенок в состоянии по юридическим признакам самостоятельно отвечать за содеянное. Цель предупреждения новых преступлений априори нереализуема в результате недостижения цели исправления осужденного. Учитывая изложенное, полагаем, что наиболее рациональным подходом к решению сложившейся ситуации стало бы исключение из ч. 2 ст. 88 УК РФ указания на возможность уплаты штрафа, назначенного несовершеннолетнему, его родителем. Кроме того, при назначении наказания несовершеннолетнему суду следовало бы исходить из факта наличия у несовершеннолетнего собственного заработка. Другим возможным вариантом решения вопроса могло бы стать исключение штрафа из перечня наказаний, назначаемых несовершеннолетним, предусмотренного ч. 1 ст. 88 УК РФ.

Часть 2 ст. 5 УК РФ вызывает отдельные вопросы относительно реализации принципа вины и правил квалификации на практике. В соответствии с рассматриваемым положением объективное вменение не допустимо. Однако проанализировав особенности установления субъективной стороны преступления, можно сделать вывод о том, что опорой для нее становятся признаки объективной стороны. Направленность и вид умысла устанавливается, исходя из действий виновного [1, с. 104]. Признаки субъективной стороны, определяющие квалификацию по ч. 4 ст. 111 УК РФ или по ст. 105 УК РФ, устанавливаются исходя из характера и локализации повреждений, причиненных потерпевшему. Для определения мотива «из корыстных побуждений» необходимо установить, похищено ли имущество, получил ли виновный какую-либо выгоду от преступления, что можно подтвердить документально. Для того чтобы вменить мотив религиозной ненависти или

вражды, также необходимо установление факта совершения действий, демонстрирующих такую месть (высказываний, оскорблений, ссор на почве такой ненависти, происходивших ранее и т. п.). Таким образом, субъективная сторона, которой придается решающее значение, в конечном итоге основывается на объективных признаках. Фактически мы получаем рассогласованность нормы и ее реализации на практике. Однако признаем, что на сегодняшний день формулировка рассматриваемой части ст. 5 УК РФ представляется единственно верной ввиду отсутствия возможности установить признаки субъективной стороны иным способом.

Принцип справедливости, на наш взгляд, является главнейшим общеправовым принципом, на котором основываются любые другие принципы уголовного права или иных отраслей права. Принцип равенства всех перед законом вытекает из принципа справедливости: права одних не должны ущемляться в угоду правам других. Принцип законности в широком смысле предполагает, что все действия органов власти должны основываться на нормах закона. Это также справедливое утверждение, так как применение органами власти произвольных норм, основанных на чьей-либо выгоде, сложившейся традиции или сформировавшихся под влиянием ситуации, нарушало бы требования равенства, беспристрастности, установленного процессуального порядка. Применение таких норм было бы несправедливым, а потому должно признаваться незаконным. Принцип вины также основан на принципе справедливости, потому как вменение лицу ответственности за те деяния, в отношении которых не установлена его вина, является несправедливым, равно так же как несправедливым является объективное вменение.

Таким образом, пронизывая практически все принципы уголовного права (за исключением принципа гуманизма, который, на наш взгляд, стоит в одном ряду с принципом справедливости, образуя отдельную категорию), принцип справедливости нарушается наличием всех вышеперечисленных противоречий.

Однако стоит отметить, что принцип справедливости в узком смысле, сформулированный в ст. 6 УК РФ, законодателем и правоприменителем в целом соблюдается. Уголовным законом предусмотрен широкий спектр наказаний и иных мер уголовно-правового характера, которые могут быть применены к лицу, совершившему преступление. Каждый вид наказания представлен определенным диапазоном воздействия (минимальный и максимальный размер или срок наказания). Все это позволяет суду выбрать максимально соответствующий всем тре-

буемым критериям (общественная опасность и характер преступления, личность виновного, обстоятельства совершения преступления) способа воздействия на преступника. Отдельно следует отметить предложенные законодателем способы назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров, которые адекватны реальности и позволяют действительно достичь целей наказания, а не проявляются лишь в карательной составляющей (по сравнению с применением в некоторых зарубежных государствах исключительно способа полного сложения наказаний).

Если рассматривать отдельные меры уголовно-правового воздействия в сравнении друг с другом, отдельные недостатки станут очевидными, однако законодатель попытался их нивелировать, что, на наш взгляд, у него получилось.

Так, к примеру, ряд вопросов вызывают такие различные по своему характеру меры, как условное осуждение, наказание в виде ограничения свободы и постпенитенциарная мера в виде административного надзора.

Условное осуждение, представляя собой вид освобождения от реального отбывания лишения свободы, исправительных работ, ограничения по военной службе или содержания в дисциплинарной воинской части, очень схоже по своему содержанию с наказанием в виде ограничения свободы, что фактически сводит к минимуму поощрительный элемент условного осуждения и степень справедливости применения данных мер к разным лицам. Ограничения, устанавливаемые судом при условном осуждении и при назначении ограничения свободы, одинаковы. Вместе с тем существенным различием выступает срок судимости, который погашается при условном осуждении – по истечении испытательного срока, а при ограничении свободы – в соответствии с положениями ст. 86 и 95 УК РФ. В связи с этим наш взгляд на дополнение перечня наказаний ограничением свободы неоднозначен. С одной стороны, согласимся с законодателем в том, что таким образом спектр мер воздействия на лиц, совершивших преступления, был расширен, возникла дополнительная возможность индивидуализации наказания. Вместе с тем, какова целесообразность существования в уголовном законе двух по сути одинаковых мер, отличающихся лишь сроками погашения судимости, не совсем ясно. Следуя иерархии расположения видов наказания в ст. 44 УК РФ, можно заметить, что исправительные работы и ограничение по военной службе, при назначении которых может применяться условное осуждение, являются менее строгими наказаниями, чем ограничение свободы. Учиты-

вая, что условное осуждение – это мера поощрительного характера, применяемая при назначении наказаний, более мягких, чем ограничение свободы, ее схожесть с более строгим видом наказания представляется весьма странной.

Относительно ограничения свободы и административного надзора, также схожих по своей сути, но представляющих собой совершенно различные институты и различные отрасли права, необходимо отметить, что их нередко сопоставляют между собой. Лица, которые подлежат постановке под административный надзор в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»<sup>1</sup>, сопоставляя содержание административного надзора с ограничением свободы, часто обжалуют обоснованность применения такой меры постпенитенциарного воздействия, ссылаясь на ч. 2 ст. 6 УК РФ. Полагаем, что два указанных факта свидетельствуют о необходимости корректировки содержания ограничения свободы как вида наказания либо об исключении п. «з» из ст. 44 УК РФ и п. «д» из ст. 88 УК РФ.

Возникают вопросы и при сопоставлении ч. 2 ст. 6 УК РФ с ч. 2 ст. 45 УК РФ, предусматривающей виды наказания, которые могут быть применены как в качестве основных, так и дополнительных. К таковым законодателем отнесено и ограничение свободы. Часть 2 ст. 105 УК РФ предусматривает основное наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с обязательным дополнительным наказанием в виде ограничения свободы на срок от одного года до двух лет. Неясно, какую цель в данном случае преследовал законодатель, если есть возможность установить административный надзор за таким преступником. Не оспаривая необходимость наличия в уголовном законе дополнительных видов наказаний, полагаем, что их основное назначение – совместно с основным видом наказания образовать конструкцию, позволяющую учесть все особенности совершенного преступного деяния и личности преступника. Так, например, логично, что лишение свободы за совершение разбоя станет основным видом наказания, подчеркивающим степень общественной опасности совершенного деяния, а штраф в качестве дополнительного вида наказания укажет на характер вреда, причиненного имущественным преступлением. При совершении преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего ло-

<sup>1</sup> Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон от 6 апр. 2011 г. № 64-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 апр. (№ 75).

гично, что лишение свободы является разумным наказанием за особо тяжкое преступление, а дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью обеспечивает последующее предупреждение аналогичных преступлений со стороны данного лица. Какой эффект достигается ограничением свободы, применяемым после двадцатилетнего лишения свободы, – не совсем понятно. Вряд ли в действительности такая мера может способствовать предупреждению совершения новых преступлений лицом.

Второй важный аспект нарушения принципа справедливости заключается в возможности применения такого основания освобождения от уголовной ответственности, как уплата судебного штрафа. Об этом было сказано выше.

Следует акцентировать внимание еще на таком моменте, как сопряженность в уголовном праве. Это именно тот случай, когда принцип справедливости не нарушен, а соблюден со всей точностью. К примеру, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за убийство, сопряженное с изнасилованием. Однако данный пункт не охватывает факт совершения изнасилования, который должен оцениваться самостоятельно. При этом указание на сопряженность с изнасилованием в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ вовсе не является лишним, поскольку в данном случае лишь подчеркивается общественная опасность убийства, дается его более подробное описание.

Завершая обзор противоречий между принципами уголовного права и отдельными положениями уголовного закона, следует отметить, что, пожалуй, единственным принципом, реализующимся в полной мере, является принцип гуманизма. Однако данное утверждение справедливо только с учетом моратория, наложенного на применение смертной казни. Если же следовать букве закона, то п. «н» ст. 44 УК РФ противоречит ч. 2 ст. 7 УК РФ, поскольку смертная казнь как вид наказания причиняет физические страдания, имея своей целью физическое уничтожение человека для защиты общества. В целом же, на наш взгляд, статьи уголовного закона о его основных принципах на сегодняшний день нуждаются в корректировке, а противоречащие им положения Общей и Особенной частей – в исключении или изменении. 

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басенко О. С. Соотношение субъективного и объективного вменения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. С. 103–106.
2. Брылев В. И., Станкевич К. К. Мотивы и цели квалифицированных составов убийства: п. «е1», п. «з», п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Известия Тульского государственного

университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 10–16.

3. Степашин В. М. Понятие принципа уголовного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 192–196.

4. Сумачев А. В. О принципах уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4. С. 8–15.

5. Чуприн Д. А. Реализация принципа вины в современном уголовном праве России // Манускрипт. 2017. № 11. С. 196–198.

#### REFERENCES

1. Basenko O.S. Sootnoshenie sub'ektivnogo i ob'ektivnogo vmeneniya [The ratio of subjective and objective imputation]. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki* [Scythian. Student Science Issues], 2019, pp. 103-106.
2. Brylev V.I., Stankevich K.K. Motivy i celi kvalificirovannyh sostavov ubijstva: p. «e1», p. «z», p. «i» ch. 2 st. 105 UK RF [The motives and goals of the qualified composition of the murder: p. «e1», p. «z», p. «i» part 2 of article 105 of the Criminal Code]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Proceedings of the Tula State University. Economic and legal sciences], 2016, no. 1-2, pp. 10-16. (in Russian)
3. Stepashin V.M. Ponyatie principa ugovolnogo prava [The concept of the principle of criminal law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of the Omsk University. Series Law], 2017, no. 1, pp. 192-196. (in Russian)
4. Sumachev A.V. O principah ugovolnogo prava [On the principles of criminal law]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Jurisprudence and law enforcement practice], 2017, no. 4. pp. 8-15. (in Russian)
5. Chuprin D.A. Realizaciya principa viny v sovremennom ugovolnom prave Rossii [Implementation of the principle of guilt in modern criminal law of Russia]. *Manuskript* [Manuscript], 2017, no. 11, pp. 196-198. (in Russian)

## Principles of Criminal Law and Criminal Law: Unobvious Contradictions

© Barkhatova E. N., 2020

A review of the provisions of the criminal law is carried out, which are in conflict with the principles of criminal law, the legal consequences of such contradictions are analyzed, an argument is given for the need to eliminate them, and possible solutions to the problems identified are proposed. The author addresses the issue of the relationship of the principles of criminal law with each other, their relationship with the provisions of other branches of law, to which the law enforcement authorities send blank criminal law norms. It is noted that the principle of justice, along with the principle of humanism, is basic to other principles of criminal law. Moreover, the principle of humanism causes the least amount of contradictions. The question of the advisability of the existence in the criminal law of this type of punishment as the death penalty is raised. From the standpoint of compliance with the principles of criminal law, the norms of a judicial fine, murder committed on the grounds of blood feud, a fine as a form of punishment for minors and the possibility of paying it by parents, a restriction of liberty existing along with the possibility of conditional conviction, as well as of post-prison impact in the form of administrative supervision. Attention is focused on the implementation of the rule on the retroactive effect of the law and cases where its application violates the rights of citizens. Certain provisions of the article are devoted to the issue of applying criminal legislation to persons enjoying immunity; in this connection, the norms of international law and the compliance of the provisions of the Russian criminal law with these norms are analyzed. Through the prism of the principle of equality, a group of crimes in the field of economic activity is analyzed, as well as individual grounds for exemption from criminal liability affecting the economy.

**Keywords:** principles of criminal law, legality, equality, guilt, justice, humanism.